

БОЛЬШАЯ
КНИГА

АФОРИЗМЫ
И ЦИТАТЫ

жизненная мудрость

Подарочная книга на века

Сборник афоризмов

**Большая книга афоризмов,
жизненной мудрости и цитат**

«Издательство АСТ»

2017

УДК 82-84
ББК 94.8

афоризмов С.

Большая книга афоризмов, житейской мудрости и цитат /
С. афоризмов — «Издательство АСТ», 2017 — (Подарочная
книга на века)

ISBN 978-5-17-103314-9

Труднее всего познать самого себя. Так утверждают мудрецы. А не познаешь себя, и мир останется для тебя вечной загадкой. Поэтому философы во все времена пытались и пытаются изучать человеческую природу и донести свои знания до нас, простых смертных. В этом сборнике собраны афоризмы, цитаты, высказывания, стихи великих мыслителей от древности до наших дней: Аристотеля, Платона, Эпикура, Авиценны, Фомы Аквинского, Макиавелли, Вольтера, Руссо, Дидро, Гёте, Шопенгауэра, Достоевского, Соловьева, Розанова, Фрейда, Вернадского, Флоренского и многих других. С некоторыми мудрыми мыслями вы согласитесь, с другими, возможно, поспорите, а третьих, может, даже дополните своими наблюдениями и идеями. Но главное – они не оставят вас равнодушными и заставят задуматься.

УДК 82-84

ББК 94.8

ISBN 978-5-17-103314-9

© афоризмов С., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Античный период	6
Гомер	6
Периандр	8
Солон	9
Питтак	10
Фалес	11
Биант	12
Феогнид	13
Эзоп	14
Хилон	15
Гераклит	16
Пифагор	17
Эсхил	18
Софокл	19
Антигона	20
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Большая книга афоризмов, житейской мудрости и цитат

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Античный период

Гомер

*(IX век до н. э., Смирна, Эгейский регион, Турция – VIII век до н. э., остров Иос)
Легендарный древнегреческий поэт-сказитель, создатель эпических поэм «Илиада» (древнейшего памятника европейской литературы) и «Одиссея».*

...от вина

Всякий, его неумеренно пьющий, безумеет.

Время на все есть: свой час для беседы, свой час для покоя.

Нет ничего худшего, чем блуждать в чужих краях.

Несправедливо ликовать над телами погибших.

Можно что хочешь добыть – и коров, и овец густорунных, можно купить золотые треноги, коней златогривых – жизнь же назад получить невозможно.

При юности и красоте мудрость проявляет себя очень редко.

Всё скоротечно; всего же, что ни цветёт, ни живёт на земле, человек скоротечней.

Мужчины устают от сна, занятий любовью, песен и танцев быстрее, чем от войны.

Глупец познает только то, что свершилось.

Сотни воителей стоит один врачеватель искусный.

Какое слово ты скажешь, такое в ответ и услышишь.

Я – тебе, ты – мне.

Бог находит виновного.

Гибок язык человека: речей в нем край непечатый.

Дым отечества сладок.

Женщину украшает молчание.

Не навязывай услуг против воли.

Нет ничего пагубнее женщины.

Об одном следует говорить, о другом молчать.

Прекрасное недолговечно.

Приятны завершённые труды.

Сделанное и дурак поймет.

Стыд, о ахеяне! вы забываете бранную доблесть,
Вы, ратоборцы храбрейшие в воинстве! Сам я не стал бы
Гнева на ратника тратить, который бросает сраженьё,
Будучи подл, но на вас справедливо душа негодует!

«Илиада»

Периандр

(VII век до н. э. – 587 г. до н. э., Коринф)

Второй по счету тиран, то есть правитель, Коринфа, традиционно причисляется к семи древнегреческим мудрецам.

Наслаждение бrenно – честь бессмертна.

Ничего не следует делать из-за денег.

На вопрос, почему он остаётся тираном, он ответил: «Потому что отречение и низложение опасны одинаково».

Ничего не делай за деньги: пусть нажива печётся о наживе.

Кто хочет править спокойно, пусть охраняет себя не копьями, а общей любовью.

Прекрасен покой, опасна опрометчивость, мерзостна корысть.

Власть народная крепче тирании.

В счастье будь умерен, в несчастье разумен.

К друзьям и в несчастье будь неизменен.

Сговора держись.

Тайн не выдавай.

Наказывай не только за проступок, но и за намерение.

В старании – всё.

Главное в жизни – конец.

Солон

(ок. 640 г. до н. э., Афины – 559 г. до н. э., Афины)

Афинский политик, законодатель и поэт, один из «семи мудрецов» Древней Греции. Кто для многих страшен, тот многих должен бояться.

От богатства рождается пресыщение, а от пресыщения – наглость.

Молчание скрепляет речь, а своевременность скрепляет молчание.

Ничего слишком!

Питтак

(651 г. до н. э. – 559 г. до н. э.)

Древнегреческий мудрец, один из «семи мудрецов».

Дело умных – предвидеть беду, пока она не пришла, дело храбрых – управляться с бедой, когда она пришла.

Задумав дело, не говори о нем: не удастся – засмеют.

Человека выказывает власть.

Трудно человеку быть хорошим.

Корысть ненасытна.

С неизбежностью и боги не спорят.

Фалес

(ок. 640 г. до н. э., Милет – ок. 545 г. до н. э., Милет)

Древнегреческий философ и математик, представитель ионической натурфилософии.

Познай самого себя.

Поручись – и пострадаешь.

Худших везде большинство.

Что трудно? – Познать самого себя.

Что легко? – Давать советы другим.

Биант

(625 г. до н. э., Приена – 540 г. до н. э., Приена)

Древнегреческий мудрец и общественный деятель, один из «семи мудрецов».

Лучше разбирать спор между своими врагами, чем между друзьями, – ибо заведомо после этого один из друзей станет твоим врагом, а один из врагов – другом.

Следует любить друга, помня при этом, что он может стать врагом, и ненавидеть врага, помня, что он может стать другом.

Жизнь надо измеривать так, будто тебе осталось жить и много, и мало.

Все свое ношу с собой.

Феогнид

(ок. 546 г., Мегара – год смерти неизвестен)

Древнегреческий лирический поэт, аристократ, участник политической борьбы, долго жил в изгнании. Под его именем сохранилось две книги наставительных «Элегий».

Завещаю: ни в чем не усердствуй.

Во всем выбирай середину.
Тот же увидишь успех, что и трудясь тяжело.

Трудно разумному долгий вести разговор с дураками.
Но и все время молчать – сверх человеческих сил.

Эзоп

(ок. 620 г. до н. э., Несебыр – ок. 564 г. до н. э., Дельфы, Фокида, Греция)

Полумифический древнегреческий баснописец. Его считают основоположником жанра басни; по его имени названа иносказательная манера выражения мыслей, которой пользуются до наших дней, – эзопов язык.

Исправить злого человека невозможно, он может изменить только вид, но не нрав.

Необходимо либо вовсе не приближаться к царям, либо говорить им лишь то, что им приятно.

Огонь, женщина и море – три бедствия.

Плохо придется всем людям, когда каждый потребует своего.

Истинный друг познается в несчастье.

«Дурной человек» творит и будет творить зло, несмотря ни на что.

Те, на кого надеешься, могут погубить, а те, кем пренебрегаешь, – спасти.

Если что можно доказать делом, то на это незачем тратить слова.

С женою будь хорош, чтобы не захотелось ей испытать и другого мужчину.

Убийцы – не те, кто делает кинжалы, а те, кто пользуется их изделиями; так и обо мне злословят не клеветники, а ты, если ты пользуешься их клеветой.

Мы часто будем жалеть, если все наши желания будут удовлетворены.

Жизнь все-таки всегда лучше смерти.

Когда посетит тебя горе, взгляни вокруг и утешься: есть люди, доля которых еще тяжелее твоей.

Хилон

(ок. 596 г. до н. э., Спарта – 470 г. до н. э., Пиза, Италия)

Древнегреческий политический деятель и поэт, прославившийся краткостью изречений.

Хорошо начальствовать учись на своем доме.

Языком не упреждай мысль.

На непосильное не посягай.

Сдерживай язык, особенно в застолье.

О мертвых либо хорошо, либо ничего.

Брак справляй без пышности.

Когда говоришь, руками не размахивай, это знак безумства.

Гераклит

(535 г. до н. э., Эфес, Турция) – 475 г. до н. э., Эфес, Турция)

Древнегреческий философ. Основатель первой исторической или первоначальной формы диалектики.

Нельзя дважды войти в одну и ту же реку.

Все течет, все меняется.

Да не будем на авось гадать о величайшем!

Когда все желания людей сбываются – не лучше им.

Многознание уму не научает.

Мнения людские – детские забавы.

Если бы счастье заключалось только в телесных удовольствиях, мы назвали счастливыми быков, нашедших горох для еды.

Наглость надо гасить попроворней, чем пожар.

Пифагор

*(ок. 570 г. до н. э., Самос, Греция – ок. 490 г. до н. э., Метапонт, Италия)
Древнегреческий философ-идеалист, математик, основатель пифагореизма, политический, религиозный деятель.*

Не гоняйся за счастьем: оно всегда находится в тебе самом.

Жизнь подобна играшкам: иные приходят на них состязаться, иные торговать, а самые счастливые – смотреть.

Делай великое, не обещая великого.

Из двух человек одинаковой силы сильнее тот, кто прав.

Начало есть половина всего.

Не рассуждай с детьми, с женщинами и с народом.

Старайся прежде быть мудрым, а ученым – когда будешь иметь свободное время.

Только одно божество может обладать всеобъемлющей мудростью, а человеку свойственно лишь стремиться к ней.

Статую красит вид, а человека – деяния его.

Шутку, как и соль, следует употреблять с умеренностью.

Эсхил

*(525 г. до н. э., Элефсис, Греция – 456 г. до н. э., Джела, Италия)
Древнегреческий драматург, отец европейской трагедии. Он придумал вид выступлений
в театре – трагедию.*

Казаться глупым мудрому не страшно.

Тех лишь не хулят, кто зависти не стоит.

Удачливый глупец – большое бедствие.

Кровь, живущая в воспоминаниях, склеивает века.

Глас народа опасен, когда за ним истина.

Я думаю, убитым все равно, спят ли они и поднимутся ли вновь.

Свершивший да несет последствия дел своих.

Если сила соединяется со справедливостью, то что может быть сильнее этого союза?

Двойною плетью хлещут празднословного.

Всем тиранам свойственна болезнь преступной недоверчивости друг к другу.

Хоть плохо мне, но это не причина, чтобы доставлять страдания другим.

Преуспевающие негодяи невыносимы.

Софокл

(ок. 496 г. до н. э., Колон – 406 г. до н. э., Афины)

Выдающийся древнегреческий драматург, автор трагедий, один из трех (Эсхил, Еврипид, Софокл) знаменитейших литераторов античной эпохи.

Много говорить и много сказать не есть одно и то же.

Кто ищет – тот находит.

Не в мудрости заключается сладость жизни.

Непреклонный нрав скорей всего сдается.

Антигона **(трагедия Софокла)**

Перевод с греческого Сергея Дмитриевича Шестакова

Действующие лица:

Антигона, Исмена – дочери фивского царя Эдипа.

Креонт, царь Фивский.

Гемон, его сын.

Тиресий, слепой старик-прорицатель.

Страж.

Вестник.

Эвридика, супруга Креонта.

Хор фивских старцев.

Рабы Креонта, служанки Эвридики.

Театр представляет площадь перед дворцом Креонта. С левой стороны вид на загородные холмы, с правой – на город.

I. Пролог

Антигона. – Головка милая родной Исмены!
Каких же бед эдиповых ещё
Не совершил уж Зевс при нашей жизни?
Нет скорбного и преступления нет.
И нет позорного, бесчестья нет,
Чего бы я не видела в твоих,
Чего б в моих не видела несчастьях.
И вот опять приказ какой-то новый
Креонт, как говорят, народу дал.
Ты знаешь ли? ты слышала ль об том?
Иль скрыто от тебя, что милым нашим
Враги готовят поруганье.

Исмена. – Нет, ни с радостью, ни горем, Антигона,
Об милых вестях ко мне не доходила
С тех самых пор, как две сестры двух братьев
Лишились мы, в один погибших день,
Друг другу смерть родной рукой нанёсших.
И с той поры, как в нынешнюю ночь
Исчез Аргосцев стан, я ничего
Не знаю вновь ни к радости, ни к горю.

Антигона. – Я знала то, и для того тебя
Я вызвала сюда за двери дома,
Чтобы одна ты слышала меня.

Исмена. – Но что? Тебя тревожит слово, вижу.

Антигона. – Так ты не знаешь, что Креонт почтил
Лишь одного из наших братьев гробом,
Другого же лишил последней чести?
Как говорят, он Этеокла с честью
Обычною в земле похоронил,
Да будет он и там почтен, средь мёртвых¹.
А Полиника труп, лежащий жалко,
Он запретил гражданам, говорят,
И в гробе скрыть и слёзы лить над ним.
Велел без слёз оставить¹, без могилы,
Чтоб был находкой сладкой хищным птицам.
Вот, говорят, что добрый наш Креонт
Тебе и мне (себя считаю тут же),
Всем объявил. Он скоро будет здесь,
Чтоб тот приказ всем громко объявить,
Которые о нём ещё не знают.
И не ничтожным он считает дело,
Но в городе умрёт от камней тот,
Кто вопреки поступит повеленью.
Вот всё тебе, и скоро ты покажешь,
Родилась ли с душой ты благородной
Иль с низкою от благородной крови.

Исмена. – О гордая душа! но что ж могу
Связать иль развязать я в этом деле?

Антигона. – Подумай, мне помочь решишься ль ты?

Исмена. – Но в чём, скажи: какая мысль твоя?

Антигона. – Поднимешь ли со мною вместе труп?

Исмена. – Так хочешь ты его похоронить,
Когда то городу запрещено?

Антигона. – Я брата моего похороню
И вместе твоего; коль ты не хочешь:
В предательстве меня не обвинят.

Исмена. – Несчастливая!
Назло Креонта воле?

Антигона. – Но разлучить меня с моими он
Не в праве.

¹ По понятиям древних, непогребённые или похороненные без надлежащих обрядов были в презрении и у мёртвых. –
Прим. перев.

Исмена. – Горе мне! Сестра, ты вспомни,
Как наш отец, презренный и бесславный,
Погиб, когда, открыв свои грехи,
Своей рукой себе разбил он очи,
А там жена и мать, двойное имя,
Шнурком плетёным жизнь свою сгубила;
Потом два брата общий жребий смерти
В один и тот же день друг другу дали.
Несчастные! погиб от брата брат.
Остались мы лишь две теперь: смотри,
Чтоб наша не была страшнее гибель,
Когда, закону вопреки, мы презрим
Креонта приговор и силу власти.
Мы женщины – о том подумать надо;
Родились мы не с тем, чтобы с мужами
Вступать в борьбу. Подумай и о том,
Что мы подвластны тем, кто нас сильней.
И горше этого нам слушать надо.
Так буду я покорна тем, кто силен,
И попрошу у мёртвых в том прощенья,
Когда к тому меня неволит сила.
А не по силам делать – смысла нет...

Антигона. – И требовать не стану я, и даже,
Когда б ещё ты действовать решилась,
Твоё участие мне не будет мило.
Как хочешь делай ты, но я его
Похороню. Умру прекрасно я,
Исполнив то. И, милая ему,
С ним вместе там лежать я буду...
Ведь больше тем, которые в земле,
Мне должно угодать, чем здесь живущим:
Там буду я лежать всегда. А ты,
Коль хочешь, презирай пожалуй то,
Что у богов самих в почтении.

Исмена. – Нет,
Не презираю я, а делать то,
Что гражданам противно, я не в силах.

Антигона. – Оправдывай себя, а я пойду
Могилу брату милому насыпать.

Исмена. – О горе! как боюсь я за тебя!

Антигона. – Нет, за меня не бойся, а подумай,
Свою судьбу как лучше бы устроить.

Исмена. – Не объявляй же ты, по крайней мере,
Об этом деле никому, но скрой,
И скрою я.

Антигона. – О нет! ты говори.
Не говоря, врагом мне больше будешь,
Когда не всем о том расскажешь ты.

Исмена. – Горяч твой дух к тому,
что в дрожь бросает.

Антигона. – Но знаю я, что тем угодна буду,
Кому всех больше нужно угодить.

Исмена. – Когда б ещё могла ты это сделать!
Но невозможного желаешь ты.

Антигона. – Когда не в силах буду, то оставлю.

Исмена. – Но невозможного и начинать
Не следует.

Антигона. – Не повторяй ещё,
А то тебя я буду ненавидеть,
И брату поделом немилой будешь,
Когда в могиле с ним соединишься.
Оставь же ты меня с моим безумьем,
Оставь терпеть ту страшную судьбу.
Но что бы надо мной ни учинилось,
Коль я умру, умру прекрасной смертью.

Исмена. – Иди, когда так хочешь ты; но знай,
Хоть ты безумная теперь идёшь,
Но всё ж друзьям своим ты милый друг.

П. Пародос

Хор (входя в оркестру).

Солнца луч, никогда ещё
В седьмивратном ты городе
Не всходил так блистательно.
Вот наконец явилась ты, дня золотого ресница²,
Поднялась над водами даркейскими³

² В подлиннике: βλέφαρον, слово, которое по происхождению своему от глагола βύετω – смотрю – могло бы быть переведено: око или глаз, но я с намерением оставил обыкновенное значение греческого слова, чтоб яснее указать на смелость Софокловых метафор. Бёк в своём переводе тоже удержал метафору подлинника, употребив для выражения *греч.* βλέφαρον нем. «Wimperg». – *Прим. перев.*

³ Дирке, знаменитый источник около Фив. По некоторым преданиям, Дирке была супруга фивского царя Лика, убитая Амфоном и Зетом и превращена в источник. – *Прим. перев.*

И Аргосца с большим щитом⁴,
Что пришёл к нам с силой большой,
Обратила вспять беглецом,
И бежит он быстрее, чем пришёл.
А его против нашей земли Полиник
Из-за распри с родным своим братом привёл.
И как белоснежным одетый пером
С острым криком слетает на землю орёл,
С сильным войском напал Полиник,
Конский волос на шлемах вился.
Став над городом пасть свою,
С кровожадными копьями
Он открыл на все семь ворот,
Но ушёл он прежде, чем нашею кровью наполнил
Пасть свою, прежде, чем жаркое пламя Гефеста
Могло обнять башней венцы,
И поднялся с тылу его
Бранный Арея шум; гибель врагу
Неизбежна дракону⁵.
Ненавидит ведь Зевс звон надменных речей
И увидевши их, как они подошли,
Словно бурный поток, гордых мыслей полны,
Звоном злата горды, как один уж из них
На зубцы взошёл стен и победу свою
Ликовал уже там,
Зевс перуном его поразил⁶.
И на дрожащую землю поверженный пал
Он огненосец⁷, который в безумном стремлении
Полный бешенства шёл и бурей враждебной дышал.
Был ему жребий тот;
Жребий другой выпал другим;
Всех наделил грозный Арей
Сильный воитель.
Было их семь вождей: у семи всех ворот
Они выстроились против наших вождей,
И победному Зевсу⁸ оставили все
Там доспехи свои; лишь два страшных врага,
Одной матери дети, отца одного,

⁴ Аргосцам приписываются белые щиты и Эсхилом и Эврипидом. – *Прим. перев.*

⁵ *Дракон* здесь означает неприятельское войско аргосцев. Ещё не объяснив метафоры, поэт уж в начале антистрофы приписывает аргосскому войску эпитеты дикого зверя: «открыл пасть свою с кровожадными копьями» (φονώσιον ἀριφίχανών λόχαϊς), не наполнил пасти кровью. Наконец в конце уж даёт он объяснение всем этим метафорам, назвав дракона. Сравнение аргосского войска с драконом было общее всем трагикам: так в трагедии Эсхила «Семь вождей под Фивами» фивский хор трепещет пред аргосцами, как голубка перед драконом (276), Тидей ревёт, как дракон (305), Гиппомедонт имеет на щите своём змею (480); у Еврипида (финик. 1151) на щите Адраста изображено сто ящериц и т. д. (Бёк). – *Прим. перев.*

⁶ *Капаней*, один из вождей аргосских, был убит молнией. – *Прим. перев.*

⁷ *Огненосец* – πυρφόρος называется Капаней, потому что на щите его (у Эсхила) изображён был обнажённый муж с факелом в руке, с надписью: πρῆσθ λόβην – зажгу город. – *Прим. перев.*

⁸ Доспехи убитых вождей приносились победителю Зевсу. Софокл говорит в этих анапестах, что все аргосские вожди были убиты фивскими, но два сына Эдипа нанесли друг другу смертельный удар. – *Прим. перев.*

Друг на друга победно копье устремив,
Общей смерти имели судьбу.
Громкоименная вот уж богиня победы
В многокристальные Фивы вошла, улыбаясь.
Так забудьте теперь вы о боях: время идти
По всем храмам богов;
Целую ночь станем там петь,
Фивский наш Вакх будет нам вождь
Вакх колебатель (земли).
Вот Креонт царь страны, Менекея сын;
Он недавно здесь власть получил; новый царь,
С новым счастьем богов к нам он ныне идёт.
Но какая же мысль так волнует его,
Что совет стариков он собрать повелел,
Чрез глашатая нас пригласивши сюда.

III. Первый эпизод **Креонт, хор и потом страж**

Народ! хотя из страшной бури бед
Вновь к тишине воздвигли боги город;
Но я чрез вестников лишь вас одних⁹
Сюда собрал затем, что знал, как власть
Престола Лаева всегда вы чтили;
Потом я знал, что с той поры, как город
Эдип поднял и сам потом погиб,
Что с той поры вы преданы всегда
В заботе неизменной детям их¹⁰.
А как они в один и тот же день,
Удар нанеся и приняв, погибли,
Дав смерть преступною рукой друг другу,
То я, как ближний родственник погибших,
И власть их всю и трон имею ныне.
Но трудно дух и мысль и думы мужа
Изведать прежде, чем себя окажет
В распоряженьях власти и законах.
А мне, кто, правя целым государством,
Не держится советов самых лучших,
Но свой язык из страха запирает,
Всегда, как и теперь, казался подлым.
И ничего по мне не стоит тот,
Кто друга выше ценит, чем отчизну.
А я – всевидящий то знает Зевс —
Молчать не стал бы я, погибель видя
Грядущую на граждан вместо счастья,
И никогда б врага родной земли

⁹ Стариков. – *Прим. перев.*

¹⁰ Потомком Лая и Эдипа. – *Прим. перев.*

Себе не сделал другом: знаю я,
Что в ней спасенье наше; что тогда
Себе друзей находим верных сами,
Когда её корабль плывёт счастливо.
Я подниму таким уставом город.
Согласно с сим и ныне объявил
Я гражданам о сыновьях Эдипа:
Чтоб Этеокла в гробе скрыть, свершив,
Что подобает честным мёртвым, всё.
Во всех боях он первым был бойцом,
За город сей сражался он и пал.
Но Полиник, его по крови брат,
Беглец вернувшийся хотел огнём
Вконец пожечь отеческую землю
И с нею сжечь богов, родных богов;
Родною он хотел напиться кровью
И в рабство увести своих сограждан.
Так в городе велел я объявить,
Чтобы его никто с обычной честью
Не хоронил, никто б над ним не плакал;
Но чтобы псам и хищным птицам в снедь
Оставить труп его непогребённый,
Чтоб поруганья вид очам был страшен.
Таков мой приговор, и никогда
Не будет от меня той чести злым,
Которую лишь правые получают
Но друг моей земли, живой иль мёртвый,
Один почёт получит от меня.

Хор. – Ты так решил, Креонт, сын Менекея,
О друге города и о враге;
И властен ты на мёртвых и живых
Изречь закон, какой тебе угодно.

Креонт. – А вам смотреть за тем, что я сказал.

Хор. – Нет, поручи заботиться о том
Кому-нибудь, кто помоложе нас.

Креонт. – Но труп стеречь уж там готовы люди.

Хор. – На что ж ещё другим даёшь приказ?

Креонт. – Чтобы ослушникам не потакать.

Хор. – Но кто ж так глуп, что умереть желает?

Креонт. – Да, смерть награда будет. Но не раз
Надежда на корысть людей губила.

Страж. – О царь! я не скажу, что шёл проворно,
Что быстрый бег мне дух перехватил;
Не раз прикован был заботой к месту,
Не раз назад хотел поворотить.
Душа вешала мне, так говоря:
Зачем идёшь туда, где наказание,
Тебя, несчастный, ждёт? потом опять:
Несчастный! что ж нейдёшь? И всё Креонт
Узнает от других? Всё та ж беда!
В таком раздумье шёл несоро я:
Ведь так и краткий путь бывает длинен.
Но наконец за лучшее я счёл
Идти к тебе. Хоть ничего почти
Я не скажу тебе, но всё ж скажу.¹¹
Я в той надежде и пришёл, что то
Лишь потерплю, что рок определил.

Креонт. – Но что ж, что страха твоего причиной?

Страж. – Сказать хочу сначала о себе:
Не сделал я и не видал, кто сделал,
И казни я никак не заслужил.

Креонт. – Ты ловко метишь и кругом себя
Огородил. Принёс же, видно, новость!

Страж. – Но страшное всегда боязнь внушает.

Креонт. – Да что ж? Ты скажешь ли когда-нибудь?
Скорей! потом иди, сказав, что надо.

Страж. – Скажу тебе, что мёртвого недавно
Похоронил не знаю кто и скрылся;
Сухой земли посыпали на тело
И свято весь обряд над ним свершили.

Креонт. – Что молвил ты?
Но кто ж тот человек?
Кто смел так дерзким быть?

Страж. – Не знаю я,
Не видно там ударов топора,
И заступ там не рыл: земля крепка,
Тверда, не взрыта; нет следа колёс;
Но без следа сокрылся тот, кто сделал.

¹¹ Смысл тот: я скажу тебе, что тело Полиника похоронено; но так как я не знаю, кто это сделал, то для тебя нет ничего в моих словах. Софокл с намерением заставляет стража говорить запутанными и неясными фразами. – *Прим. перев.*

И как сказал нам первый страж дневной,
Казалось всем то чудом непонятным:
Невиден труп, но не зарыт; на нём
Лишь тонкий прах лежал, как будто кто
От преступленья тем спасался только^{1. 12}
И никакого не было следа,
Чтоб зверь иль пёс являлся труп терзать,
И бранные слова слышались меж нас,
Страж стража обвинял, до драки дело
Дошло; остановить не мог никто.
И каждого винули все другие,
Но не было улик: все запирались.
И раскалённое железо в руки
Решались брать, и сквозь огонь пройти,
И именем богов поклясться в том,
Что невиновны мы, что чужды мы
И замыслу и совершенью дела.
Но наконец, как розыск был бесплоден,
Тут говорит один – и всех от страха
Принудил голову склонить к земле;
Мы не могли сказать ни слова против,
А, сделав то, не знали, как нам быть.
Сказал же он, что надо донести
Тебе об этом деле, не скрывать.
На том решили мы, и это счастье
Дал жребий мне несчастному нести.
Неволей к вам сюда явился я,
И вы нерады мне – я знаю то.

Хор. – О царь! Давно уж шепчет мысль моя:
Богов в том деле не было ль участия?

Креонт. – Остановись, пока твои слова
Не преисполнили ещё мой гнев;
Не докажи, что ты и глуп, и стар.
Твои слова невыносимы мне,
Коль признаешь богов ты попеченье
О мёртвом том. Скажи, сокрыли ль боги
Его, как благодетеля почтив?
Того, кто истребить пришёл огнём
Колоннами обставленные храмы
И честные дары, того, который
Их область и закон хотел разрушить?
Иль думаешь, что боги чтут злодеев?
Не то. Но граждане давно с трудом
Терпели то, и на меня роптали,

¹² Видеть непогребённый труп и не предать его земле было преступлением против богов подземных. Поэтому в том, что на труп едва наброшен был тонкий слой земли, видит страж желание очистить только совесть. – *Прим. перев.*

И потрясали тайно головой,
Неверную под иго шею гнули
И не хотели полюбить меня.
Их деньгами, наверно знаю я,
Подкуплены они, чтоб это сделать. (**Указывая на стража**).
Да, деньги для людей – большое зло:
Здесь губят города, а там мужам
Свой дом родной велят покинуть деньги,
И извращают деньги честный ум,
Ведут его они к делам бесчестным;
Все хитрости открыли деньги людям
И всякому нечестью научили.
Но тот, кто плату взял за это дело,
Получит наконец за то и казнь.
Коль примет Зевс ещё мою молитву,
Так знай, я говорю тебе под клятвой,
Что если не откроете того,
Чьи руки ту устроили могилу,
И не представите его ко мне,
То мало будет вам одной лишь смерти:
Живых, повесив вас, заставлю прежде
Сознаться мне в том дерзком оскорблении.
Чтоб знали вы, где барыша искать,
Недобрых вестников никто не любит.
Чтоб поняли, что прибыли искать
От всякого равно недолжно дела,
Что пагубу нечестная корысть
Приносит чаще, чем спасенье, людям.

Страж. – Сказать мне дашь иль так идти назад?

Креонт. – Не знаешь и теперь, как тяжелы
Твои слова?

Страж. – Кусают слух иль сердце?

Креонт. – Как? Ищешь ты, моя досада где?

Страж. – Но я лишь ухо огорчил, а сердцу
Нанёс печаль не я, а тот, кто сделал.

Креонт. – О, о! как видно, ты искусный плут.

Страж. – Но всё ж того не сделал дела я.

Креонт. – Да душу ты свою за деньги продал.

Страж. – Увы!

О страшно, что и ложным подозреньям
Поверить должен тот, кто хочет верить.

Креонт. – Теперь пока глумись себе над верой.
Но если мне не сыщете виновных,
Помянете, что подлая корысть
Приносит скорбь. (**Уходит**).

Страж. – Да, хорошо б сыскать.
Найдут иль нет – судьба решит всё это,
Но здесь меня опять ты не увидишь.
И ныне уж спастись не чаял я;
Богов благодарить за то я должен.

IV. Первый стасимон

Хор (поёт). – Сильного много в мире есть,
Но сильней человека нет.
И под бурными ветрами
Он плывёт по седым волнам,
Плывёт, а вздутое море
Шумит вокруг него.
И высшую из всех богов он мучит
Вечную, неустающую землю:
Из года в год по ней катятся плуги, и лошадь
Не даёт земле покоя.
Хитрый ловец, несёт он в дом,
Чтобы вперёд хватали там, где можно,
Легкомысленных птиц стада.
И зверей лесных дикий род,
И морских племя ловит рыб,
Сетями плетёными ловит
Он, хитрый человек.
И хитростью он побеждает
Вольного горного зверя, и шею
Лошади, гривой покрытую, игом смиряет,
Игу вол покорен буйный.
И речь, и воздушную мысль
Придумал, и нравы нашёл,
Что блюдут города; избегать он знает
Сурового холода,
Дождей и воздушных стрел
Всё придумал, бессоветным
Не застигнет его время.
Лишь ада избежать не может он,
Но от болезней трудных
Спасенье он нашёл.
И чудным каким-то умом,
Искусным владеет умом.
То к хорошему он, то к дурному стремится,
Когда нарушает он
Законы родной земли

И богов святое право.
В ком нет правды, хоть высоко
Стоит в народе он, он без отчизны.
В ком дерзкий ум, кто поступает так,
Тот не войдёт в мой дом,
Совет со мной не разделит.
Но не чудо ли то? мысль смутилась моя.
Но могу ль отрицать, когда вижу я сам,
Что ведут Антигону девицу сюда.
О несчастная
И отца несчастливца Эдипа дитя!
Что случилось с тобой? Не царёв ли закон
Преступила уж ты? Не ведут ли тебя
Потому? Не нашли ли в безумье тебя?

V. Второй эпизод

Хор, страж, Антигона, потом Креонт и наконец Исмена

Страж. – Вот здесь виновная – она. На деле
Её мы взяли там. Но где Креонт?

Хор. – Вот впору он идёт опять из дома.

Креонт. – Что там? к чему сюда я вышел впору?

Страж. – О царь, ни в чём не должен клясться смертный.
Ту мысль, что верною казалась прежде,
Другая мысль неверной объявляет.
Вот я сюда прийти опять не думал,
Как на меня твой гнев грозою пал;
Когда ж приходит радость сверх надежды,
Другую с ней нельзя сравнить приятность.
Пришёл, хоть клялся я, что не приду,
Девицу вот привёл: её застали,
Как там она готовила могилу.
И тут мы не кидали уже жребья:
Моя была находка, не другого.
Теперь ты, царь, как хочешь, сам её
Возьми, суди и уличай, а я,
Свободный от вины, могу теперь
Отделаться от той беды по праву.

Креонт. – Где взял её и как? ведёшь откуда?

Страж. – Она того похоронила мужа —
Вот всё тебе.

Креонт. – Ты понял ли, смотри,
И так ли ты сказал, что говоришь?

Страж. – Когда скажу, что видел я её,
Как хоронила мёртвого она,
Которому ты отказал в могиле, —
Не ясно ль всё я говорю тебе?

Креонт. – А как увидели её? как взяли?

Страж. – Вот было дело как. Лишь мы пришли
Со страхом от твоих угроз ужасных,
Тотчас весь прах мы с мёртвого смели,
Что был на нём, и тлеющее тело
Открыли всё; на высоте холма
Потом мы сели так, чтоб ветер нам
Не мог донести гнялого трупа запах.
Друг друга бранью злой мы возбуждали,
Как только кто пренебрегал трудом.
И было так, пока круг солнца светлый
Не стал в середине неба высоко
И зной нас жёг. Тут страшный вихрь с земли
Вдруг ураган поднял, небесный страх
Наполнил землю всю и лист с дерев,
Растущих в той долине, весь разнёс;
Великий им наполнился эфир,
По времени, как буря прекратилась,
Явилась девушка и взывала горько.
То был печальной птицы острый крик,
Каким кричит, когда гнездо своё
Найдёт осиротелым, без детей.
Так и она, как видит голый труп,
И зарыдала с воплями, и страшным
Виновников того клянёт проклятьем.
И прах сухой несёт тотчас руками,
И, меди кованой поднявши кружку,
Тройным венчает возлияньем труп.
Увидев то, мы бросились и взяли
Её тотчас; она не испугалась.
И в прежнем том и в сём последнем деле
Её винули мы, и, ничего
Не отрицая, там она стояла.
Но радость та мне радость вместе с скорбью.
Приятно, что я сам беды избегнул,
Но горько мне друзей в беду повергнуть.
По мне, однако же, своё спасенье
Ценить всего дороже должен каждый.

Креонт (к Антигоне). – А ты, ты, что головой к земле поникла,
Сознаешься ль, что сделала ты это,
Иль станешь отрицать?

Антигона. – Я говорю,
Что сделала, и отрицать не стану.

Креонт (к стражу). – От тяжкой ты вины теперь свободен:
Так можешь сам идти, куда угодно (**к Антигоне**).
А ты скажи, но коротко, не длинно,
О запрещении том ты знала?

Антигона. – Да,
Я знала. Как не знать? То знали все.

Креонт. – И смела ты нарушить тот закон?

Антигона. – Не Зевс мне возвестил его, не Дика,
Присущая всегда богам подземным,
Которые постановили в людях
Закон о мёртвых тот. Твои ж веленья
Я сильными на столько не считала,
Чтоб твёрдый тот, неписанный закон,
Богов закон мог смертный преступить.
Не ныне, не вчера явился сей закон,
Всегда он жил; никто не знает здесь,
Никто его начала не открыл.
Его нарушить не хотела я
И быть за то в ответе пред богами,
А человека суд не страшен мне.
Я знала, что умру. И как иначе?
До твоего я знала объявленья.
А если я до времени умру,
Так прибыльно считаю то себе.
И кто живёт, как я, в бедах столь многих,
Не пользу ли тому приносит смерть?
Вот так и я: я не скорблю нисколько,
Что встретила с ужасною судьбою.
Но если б сына матери моей
Могла я видеть труп непогребённым,
О том скорбела б я; а тут нет скорби.
А если кажется тебе теперь,
Что глуп поступок мой, так я скажу:
Безумный пусть винит меня в безумье.

Хор. – Неукротимый нрав отца в ней виден:
Бедам она не знает уступать.

Креонт (к хору). – Но знай, что падает скорей всего
Упрямый дух, и часто видеть можешь,
Как крепкое ломается железо,
Когда оно в огне закалено;

А бешеных коней удилом слабым
Смиряют. И не след тому быть гордым,
Кто раб других. Она ж и прежде мне,
Когда закон предписанный презрела,
Мне оскорбленье нанесла тогда —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.